

Валерий ФОКИН:

5 октября новая сцена «Современника» откроется спектаклем «Шинель». Режиссер — Валерий Фокин. Акакия Акакиевича сыграет Марина Неелова.

В программке будет строка: «Идея — Юрий Рост». Фокин давно мечтал о «Шинели», но парадоксально и идеального Башмачкина в Нееловой, королеве Елизавете «Современника», увидел именно Рост.

Зимой на сцену Александринского театра выйдет вторая часть театральной дилогии Валерия Фокина: «Двойник» Достоевского.

Неуспокоенные тени гг. Башмачкина и Голядкина воскреснут в двух столицах. Почему именно теперь? Что им в нас, собственно? Об этом и говорит режиссер.

— Я давно задумывал дилогию: «Шинель» и «Двойник». «Двойник» — блестящая вещь, не оцененная при жизни автора. Это проза потока сознания, предвещающая и «Петербург» Белого, и Пруста, и Кафку. Набоков Достоевского не любил, но для «Двойника» делал исключение.

Главный герой у «Шинели» и «Двойника» — общий. И это Петербург. Особое пространство, которое ведет героев, устраивает их судьбу, вмешивается в нее, соблазняет, ломает, водит, кружит...

Для меня важна в обоих спектаклях тема соблазна. Башмачкина соблазнили шинелью. И, соблазнив, изменили всю его жизнь.

...Вот жил человек со своими буквами, в их растительном мире, был совершенно счастлив. И вдруг явилась ему идея шинели, овладела им, изменила его изнутри. И изменив — погубила. Соблазн разрушил мир Акакия, поселив в нем трагический, неутоленный голод. Духовный голод, кстати! Бог ведь во что выросла для него шинель...

Петербургское пространство порождает фантазматическую с метелью и призраком неуспокоенного человека. Душа рыщет, страдая. Но она

Искушение шинелью и двойником

Режиссер хочет устроить диалог Гоголя с Достоевским

агрессивна, неуспокоенная душа Башмачкина!

И с Голядкиным то же. Смятенный маленький человек хочет быть как все... С одной стороны, блажит и обличает: «Это люди в маскарадах, они носят маски. У меня свой путь!». А с другой стороны — он очень хочет быть таким же! Он нравится себе в новой жилетке, он пересчитывает ассигнации в бумажнике. Восхитительно долго прищенивается в Гостином дворе к сервизам и обстановке, обещает всем задачек. Но не покупает ничего...

Эта повесть — еще и о том, как в тихом, робком, деликатном человеке сидит агрессия, как она его дразнит, вылезает, приводит к бунту: «Я не ветюшка!». Кстати, это же может привести и к терроризму.

Двойник — «бес упрощения», бес «человека-функции». Но ведь герой говорит о Двойнике — «моя мечта».

...Я ненавижу Голядкина-младшего, я его вижу насквозь, я его поражаю, уничтожаю! Но в глубине души — я мечтаю стать им.

— Вы полагаете, «синдром Голядкина» для нас актуален?

— Более чем актуален. Это раздвоение и желание быть не тем, кто мы есть, очень сильно. Я в течение последних лет десяти наблюдал, как многие люди теряли голову. Теряли реализм в отношении к самим себе, к окружающим, к жизни. Очень многие страстно хотели быть не тем, кто мы есть. И мы оказались в эпохе мнимых величин. Огромное количество пугал, которые надуваются, лопаются, и все их забывают. Я в этой связи боюсь за молодую режиссуру. И с тревогой смотрю на поколение тех, кто все время боится не успеть... Это чувство сегодняшнего дня, оно есть в наших детях.

Они часто вспрыгивают на подножку поезда, не глядя, куда он идет. А он идет в тупик. Или стоит на месте. Но «хороший тон» — прыгнуть!

Тема расколотоности человека, двойничества его — очень русская. Каких только не было у нас двойников, самозванцев, мнимостей. У нас человек никогда не бывает односложен. Но иногда он страстно хочет быть таким!

...И сам Петербург — вечный двойник какого-то горо-

да. Москвы, Венеции, Амстердама? Небесного Иерусалима?

Я уж не говорю, что он все время отражается в воде. И стоит на болотах, как странная метафора русского образованного сознания, если угодно... Выверенное, отточенное культурой великопение. А внизу — топь.

...И есть ведь еще двойничество Петербурга и Ленинграда! Вечная оппозиция «советское — несоветское» — постсоветское». И в этом мы сейчас стараемся увидеть себя не такими, какие есть! Возможность, отрекаясь от прошлого, уходить в настоящее — очень русская тема.

И кто это начал, как не Петр, зачеркнув огромную часть прошлого?

Вечно русский человек стремится выстроить себе простое, ясное, комфортное настоящее! Жить только в нем. А ни-

когда этот облегченный вариант, с отречением от самого сложного в себе, — не строился, оказывался мороком, маревом.

И начиналось время мнимых величин. Время пошлости, которая даже не побеждает — а уже пирует, я бы сказал... И — растаскивает людей. Расщепляет каждого. Очень легко поддаться.

А между тем мы были сильны своей неудовлетворенностью. Своей, как ни странно, расколотостью.

— Кто играет в «Двойнике»?

— Голядкин-старший — Виктор Гвоздичкий. Он покидает труппу МХАТа и с нового сезона становится актером Александринского театра. Голядкин-младший — Алексей Дементенко. Оба — нервные, острые, очень выразительные. Оба способны на переходы от мягкости, застенчивости, конфуза — к взрыву и агрессии. Это важно: в «Двойнике» не две краски, а много больше!

В спектакле будет занята часть труппы Александринского театра — главным образом, те актеры, с которыми я не работал в «Ревизоре».

Мы пригласили в труппу выпускницу Щукинского училища Юлию Марченко. В спектакле Някрошюса «Вишневый сад» она сыграла Аню.

— Замечательно сыграла: особенно в дуэте с Людмилой Васильевой Максаковой — Раневской. Самая «осмысленная» Аня на моей памяти. И как-то видно в игре Марченко, что Аня и ее будущие потомки и есть главный «вишневый сад»: самые печальные жертвы упадка рода.

— Вот сейчас Марченко в Александринском театре репетирует Лауру в «Маленьких трагедиях» Григория Козлова. И будет репетировать в «Двойнике» роль Клары Олсуфьевны, тайной любви Голядкина. Я хочу с Юлией поработать:

ликой: зеркало — граница меж мирами.

В «Двойнике», наверное, тоже будут «живые музыканты». Когда мы говорим о пространстве Питера и его доминанте, без звука нельзя обойтись. Как делать дождь, бурю? Как делать границу мистического и реального? И внутри самого Голядкина все время живет звук — тревожный, раздвоенный, лихорадочный.

Когда мы работаем с Боровским и с Бакши — они не иллюстрируют замысел театра. Мы исходим из сочинения эпизода и спектакля как единого целого. Конечно, тут они соавторы.

— Как вы перемещаетесь из Центра Мейерхольда в Александринку, из хай-тека со стеклом, никелем и залом-трансформером — в красно-золотой зал Карло Росси?

— Мне кажется, это идеальная модель: перемещаться из старинного, великопеного, лучшего, быть может, в Европе театрального здания — на мобильную сцену ЦиМа. В 2005 году начнем строить новую сцену в Александринке, там будет очень современная площадка.

— И она впишется в пространство города и театра?

— Да. Должна вписаться. Я хочу, чтоб актеры Александринской труппы играли на этой площадке с молодыми режиссерами. Мне кажется этот переход идеальным, он даст кровь, даст питание и «старинное» и «новизну». Но здание театра надо в любом случае привести в порядок...

— Росси поручили за театр на 200 лет вперед.

— Да. Хотя я абсолютно верю Карлу Ивановичу, — но всего тридцать лет осталось. Пора торопиться.

— С какими молодыми режиссерами театр будет работать?

— Юрий Бутусов был нашим мейерхольдовским стипендиатом. Почему бы Юрию не поработать в родном городе? Андрей Могуний работает с нами. Он будет ставить такое «Действо о рождении Петербурга» во дворе Михайловского замка.

— Когда предполагается премьера «Двойника»?

— 10 февраля 2005 года. В день рождения Мейерхольда.

...Если б мне еще три года назад сказали, что я буду руководить репертуарным театром, Александринкой, я бы расхохотался. Но тень Мейерхольда! Я не мог не откликнуться. И сколько там мистики связано с Мейерхольдом!

Хотя бы эта знаменитая генеральная репетиция «Маскарада» 25 октября 1917 года, где в финале из-за кулис на сцену долетали звуки панихиды. По замыслу Мейерхольда — за сценой отпевали Нину. И сидел зал, во фраках, в вечернем, дамы с открытыми плечами. А на Невском — уже стреляли...

Они слушали эту панихиду на сцене, не зная, что отпевают не Нину, а их Россию. Когда вышли из театра, пришлось добираться домой под пулями.

Во всем, что происходило в Александринском зале, есть очень сильные, неформулируемые точки соприкосновения. Это пространство — особая часть Петербурга, такая его потайная театральная шкатулка. Там по-особому искривляются, аккумулируются и сохраняются на века токи Петербурга, его партия.

Но чтоб от них питаться, надо слышать с в о й внутренний звук.

● Беседовала Елена Дьякова

Александринский театр
ходит по дворам.
Вслед за Башмачкиным
и Голядкиным